

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о Дамре и его возлюбленной

Рассказывают также [576], о счастливый царь, что Харун ар–Рашид однажды ночью томился бессонницей. И он послал за аль–Асмаи и Хусейном–аль–Хали и, призвав их, сказал: "Рассказывайте! И ты, о Хусейн, начинай". – "Хорошо, о повелитель правоверных, – ответил Хусейн. – В каком–то году спустился я в Басру, чтобы похвалить Мухаммеда ибн Сулеймана арРаби касыдой [577], и он принял ее и приказал мне оставаться в Басре. И однажды я вышел на Мирбад [578] и выбрал путь по улице аль–Махалия, и поразила меня сильная жара. И я подошел к большим воротам, чтобы попросить напиться, и вдруг увидел девушку, подобную качающейся ветви, с томными глазами, вытянутыми бровями и овальными щеками, и была она в рубашке гранатового цвета и плаще из Сана, и великая белизна ее тела одолевала красноту ее рубашки, из–под которой поблескивали две груди, подобные гранатам, и живот, точно сверток коптской материи со складками, похожими на свитки белой бумаги, наполненные мускусом. И на ее шее, о повелитель правоверных, была ладанка из червонного золота, которая спускалась между грудями, а на блюде ее лба был локон, подобный черной раковине, и брови ее сходились, глаза были огромны и щеки овальны, а нос – с горбинкой, и под ним были уста, как кораллы, и жемчужные зубы, и благовония как бы одолели ее. И была эта девушка смущена и растеряна и расхаживала в проходе дома, то уходя, то приходя, и ступала по печени влюбленных, и ее ноги делали немым звон ее ножных браслетов. И была она такова, как сказал о ней поэт:

Все частицы ее прелестей нам

Присылают красоты образец.

И я преисполнился к ней почтения, о повелитель правоверных, и приблизился к ней, чтобы ее приветствовать, и вдруг почувствовал, что и дом, и проход, и улица пропитаны запахом мускуса. И я пожелал ей мира, и она ответила мне неслышным голосом, с сердцем, сожженным пламенем любви, и я сказал ей: "О госпожа, я – старик, чужеземец, и меня поразила жажда. Не прикажешь ли ты дать мне глоток воды, за который ты получишь небесную награду?" – "Отстань от меня, о старец, – ответила девушка, – мне некогда думать о воде и пище..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто четвертая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка ответила: "О старец, мне некогда думать о воде и пище". И я спросил ее: "По какой причине, госпожа?" – "Потому что я люблю того, кто ко мне несправедлив, и хочу того, кто меня не хочет, – отвечала девушка, – и при этом я испытана наблюдением соглядатаев". – "А разве есть, о госпожа, на всей шири земли кто–нибудь, кого ты хочешь и кто тебя не хочет?" – спросил я. И девушка сказала: "Да, и это из–за избытка вложенной в него красоты совершенства и чванства". – "А чего ты стоишь в этом проходе?" – спросил я, и девушка сказала: "Здесь его дорога, "и теперь ему время проходить". – "О госпожа, – спросил я ее, – встречались ли вы когда–нибудь и вели ли беседу, которая вызвала эту тоску?"

И девушка тяжело вздохнула и пролила на щеки слезы, подобные росе, падающей на розу, и произнесла такие стихи:

"Мы были как пара веток ивы одной в саду,

Вдыхали мы запах счастья, жизнь была сладостна,

Но ветвь отделил одну нож режущий от другой

Кто видел, что одинокий ищет такого же?"

"О девушка, – спросил я, – до чего дошла твоя любовь к этому юноше?" И она отвечала: "Я вижу солнце на стенах его родных и думаю, что это он сам, а иногда я внезапно его вижу и теряюсь, и кровь и душа убегают из моего тела, и неделю или две я остаюсь без ума". – "Прости меня, сказал я, – я влюблен так же, как ты, мой ум занят любовью, и я похудел телом, и силы мои ослабли. Я вижу у тебя перемену цвета лица и тонкость кожи, которая свидетельствует о муках любви; да я как могла любовь не поразить тебя, когда ты находишься на земле Басры". – "Клянусь Аллахом, – отвечала девушка, – пока я не полюбила этого юношу, я была до крайности чванлива, прекрасная красотой я достоинством, и пленяла всех вельмож Басры, пока не пленился мной этот юноша". – "О девушка, – спросил я, – а что же вас разлучило?" – "Превратности судьбы, – отвечала девушка, – и моя история с ним удивительна. В день Нейруза [579] я сидела у себя и пригласила несколько басрийских девушек, и среди них была невольница Справа, которая стоила ему в Оматае восемьдесят тысяч дирхемов. А эта девушка меня любила и была в меня влюблена, и войдя, она бросилась на меня и едва меня не растерзала щипками и укусами. А потом мы остались одни, наслаждаясь вином, в ожидании, пока будет готово кушанье и радость наша станет полкой, и девушка играла со мной, я играла с нею, и то я была наверху, то она была наверху. И опьянение побудило ее ударить рукой по моему шнурку, и она развязала его без того, чтобы между вами было что–нибудь сомнительное, и мои шальвары спустились в игре, и когда это было, вдруг, неожиданно вошел тот юноша и, увидав это, разгневался и убежал, как убегает арабская кобылица, услышав лязг удил. И он вышел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто пятая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка говорила Хусейну–аль–Хади: "И когда мой возлюбленный увидел, что мы играем с невольницей Сирана, как я тебе рассказывала, он вышел от меня, разгневанный, и вот уже три года, о старец, как я прошу у него прощения и подлаживаюсь к нему и стараюсь его смягчить, но он не дарит меня втором, не пишет мне ни одной буквы, и не передает мне ничего с посланным, и не хочет слышать от меня даже малого". – "О девушка, – спросил я ее, – он из арабов или из персов?" – "Горе тебе, – воскликнула девушка, – он из числа вельмож Басры". – "А он старик или юноша?" – спросил я, и девушка посмотрела на меня искоса и сказала: "Поистине ты дурак! Он точно месяц в ночь полнолуния, гладкий и без бороды, и ничто его не порочит, кроме неприязни ко мне". – "Как его имя?" – спросил я. "А что ты будешь с ним делать?" – молвила девушка. И я сказал: "Постараюсь встретиться с твоим возлюбленным, чтобы добиться между вами сближения". – "С условием, что ты отнесешь ему записку", сказала девушка. "Я не прочь это сделать", – ответил я. И девушка сказала: "Его имя – Дамра ибн аль–Мугира, а прозвище Абу–с–Саха, а дворец его на Мирбаде". И она крикнула тем, кто был в доме: "Подайте чернильницу и бумагу!" И, засучив рукава, обнажила руки, подобные серебряным ожерельям, и написала после имени Аллаха: "О господин мой, пропуск молитвы в начале моего письма возвещает о моем бессилии, и знай, что, будь моя молитва принята, ты бы со мной не расстался, – ведь я часто молилась, чтобы ты не расстался со мной, а ты со мной расстался. И если бы усердие не перешло пределов бессилия, было бы то, что взяла на себя твоя служанка при писании этого письма, ей помощью, хоть она и потеряла надежду на тебя, так как знает, что ты пренебрежешь ответом. И самое далекое ее желание, о господин, – один взгляд на тебя, когда ты проходишь к дому по улице, этот взгляд оживит умершую душу. А еще дороже для нее, если ты начертаеть своей рукой (да одарит ее Аллах всеми достоинствами!) записку и сделаешь ее заменой тем уединениям, что были у нас в минувшие ночи, которые ты помнишь. О господин мой, разве я не люблю тебя и не изнурена? Если ты согласишься на эту просьбу, я буду тебе благодарна, хвала Аллаху, и конец".

Я взял письмо и вышел, а наутро я отправился к ворогам Мухаммеда ибн Сулеймана и нашел его приемную залу наполненной вельможами. И я увидел там юношу, который украшал собрание и превосходил всех там бывших красотой и блеском, и эмир возвысил его над собравшимися. И я спросил про него, и оказалось, что это Дамра ибн аль–Мугира, и тогда я сказал себе: "По правде, постигло бедняжку то, что ее постигло!"

И я вышел и направился на Мирбад и стал у ворот дома Дамры, и вдруг он подъехал со свитой, и тогда я подскочил к нему и стал усердствовать в пожеланиях блага и подал ему записку. И когда Дамра прочитал ее и понял ее смысл, он сказал мне: "О старец, мы уже заменили ее; не хочешь ли ты посмотреть на заменившую?" – "Хорошо!" – сказал я. И Дамра крикнул девушку, и оказалось, что это красавица, смущающая солнце и луну, высокогрудая, которая ходит походкой спешащего, не робея. И Дамра подал ей записку и сказал: "Ответь на нее!" И когда девушка прочитала записку, цвет ее лица пожелтел, так как она поняла, что в ней написано, и она воскликнула: "О старец, проси у Аллаха прощения за то, для чего ты пришел!"

И я вышел, о повелитель правоверных, волоча ноги, и пришел к той девушке и попросил разрешения войти, и когда я вошел, она спросила: "Что позади тебя?" И я ответил: "беда и безнадежность!" – "Не будет беды с тобою! – сказала девушка. – Но где же Аллах и его могущество?"

И потом она велела дать мне пятьсот динаров, и я вышел. И я проходил мимо этого места через несколько дней я увидел там слуг и всадников, и я вошел в дом, и оказалось, что это люди Дамры, которые просят девушку вернуться к нему, а она говорит: "Нет! Клянусь Аллахом, я не взгляну в его лицо!"

И я пал ниц, благодаря Аллаха, о повелитель правоверных, из злорадства над Дамрой, а потом я приблизился к девушке, и она протянула мне записку, в которой стояло после имени Аллаха: "Госпожа моя, если бы я не жалел тебя, – да продлит Аллах твою жизнь! – я описал бы тебе, что произошло из–за тебя, и изложил бы тебе, чем ты меня обидела, так как это ты навлекла беду на себя я на меня и проявила дурную дружбу и малую верность и предпочла нам другую. Ты поступила несогласно с моей любовью, и Аллах–помощник в том, что случилось по твоей воле. Мир тебе!"

И девушка показала мне подарки и редкости, которые доставил ей Дамра, и оказалось, что их тысяч на тридцать динаров. Я видел эту девушку впоследствии, и Дамра на ней женился".

И ар–Рашид воскликнул: "Если бы Дамра не опередил меня, у меня было бы с ней дело из дел!"